

Вопрос сорвался с губ прежде, чем он успел подумать, резкий, неуместный, повисший в воздухе, как последний выдох перед прыжком в ледяную воду. Не в то время, не в том месте. Но Цзи Линьсюэ не жалел. «Если не сейчас, то когда? Другого шанса может не быть».

Гу Хэнчжи замер. Фарфоровая чашечка в его пальцах перестала вращаться, и на лице — впервые за долгое время — отразилось искреннее, ничем не прикрытое замешательство. Он явно не ожидал этого вопроса. Пар от остывающего чая поднимался тонкой струйкой, окутывая его лицо дрожащей дымкой, и в наступившей тишине стало слышно, как тикают часы на стене, мерно, равнодушно, отсчитывая секунды, которые Цзи Линьсюэ проживал сейчас, как целую вечность.

— Нет, — наконец выдохнул Гу Хэнчжи и медленно, словно нехотя, покачал головой. Голос его прозвучал глухо, но твёрдо. — Не гей.

Правая рука его, скрытая от глаз, скользнула в карман и сжала плотный, чуть шершавый край конверта. Конверт был тяжёлым, увесистым, тянул ладонь вниз, и он сжимал его так, словно это была единственная ниточка, связывающая его с реальностью.

«Не гей. Я не гей. Мне никто другой не нужен. Только он. Но разве это не значит...» — Мысль оборвалась, не успев оформиться, и он замер, чувствуя, как конверт под пальцами становится горячим, почти обжигающим.

Цзи Линьсюэ почувствовал, как к щекам приливает жар, обжигающий, предательский, заливающий лицо до самых корней волос. «Земля, разверзись. Провалиться бы сейчас сквозь этот пол, исчезнуть, раствориться». Он столько дней копил в себе эту смелость, вынашивал её, как хрупкий росток, и вот, пожалуйста. Оказалось, что всё это было лишь плодом его воображения. Игра в одни ворота. Он сам всё придумал, сам поверил, сам разбился.

Гу Хэнчжи качнулся вперёд, и в глазах его вспыхнул странный, почти лихорадочный огонёк:

— Почему ты спросил? Что ты...

— Ничего, — перебил его Цзи Линьсюэ, резко, слишком резко. Голос его сорвался, дрогнул, и он сам услышал в нём эту предательскую, жалкую нотку, от которой захотелось зажать себе рот. — Я просто... Забудь. Это неважно.

Цзи Линьсюэ вскочил, едва не опрокинув чашку, и, не глядя, бросился к своей комнате. Шаги его гулко, торопливо отдавались от деревянного пола, и этот звук, резкий, сбивчивый, казался ему оглушительным, почти неприличным в наступившей тишине. Дверь захлопнулась за ним с глухим, окончательным стуком, отрезая его от гостиной, от Гу Хэнчжи, от этого дурацкого, нелепого разговора. Привалившись спиной к холодной деревянной панели, Цзи Линьсюэ закрыл глаза, чувствуя, как бешено колотится сердце где-то в горле, а в висках стучит кровь, гулко, настойчиво, не давая думать. Ладони вспотели, и он прижал их к лицу, пытаясь остудить пылающие щёки, но холод собственных пальцев лишь подчеркнул, насколько сильно горит изнутри.

Гу Хэнчжи бросился следом, но опоздал, дверь уже была закрыта. Он поднял руку, чтобы постучать, и замер. Пальцы дрогнули в воздухе и безвольно опустились. Внутри было тихо, ни звука, ни шороха.

Он постоял ещё немного, глядя на глухую деревянную панель, потом тяжело, обречённо вздохнул и, развернувшись, направился к комнате Шэнь Шаояня.

Тот спал, разметавшись по кровати, и одеяло, скрученное в тугий жгут, напоминало гигантскую, нелепую косичку. В комнате пахло сном, тёплым, чуть спёртым воздухом, смешанным с едва уловимым ароматом его геля для душа и тонкой, приторно-сладкой ноткой кокосового масла для тела, которым он щедро натирался после вечернего душа, свято веря в его чудодейственные увлажняющие свойства. За окном, приглушённый двойным стеклопакетом, доносился далёкий, монотонный шум города: сигналы машин, чей-то смех, обрывки музыки, но здесь, в этой душной, сонной тишине, он казался чем-то нереальным, потусторонним. Шэнь Шаоянь безмятежно посапывал, даже не подозревая о надвигающейся опасности.

Гу Хэнчжи глянул на часы. Начало четвёртого. День в самом разгаре.

— Вставай.

Шэнь Шаоянь даже не пошевелился. Только поскрёб щёку во сне и что-то неразборчиво пробормотал, причмокнув губами. Гу Хэнчжи приподнял бровь и, чуть повысив голос, произнёс с той особенной, вкрадчивой интонацией, которая безотказно действовала ещё со школьных времён:

— Шэнь Шаоянь, ужин готов. Вставай, а то остынет.

Веки спящего дрогнули, и он резко, словно от удара током, распахнул глаза:

— Что? Где? Что дают?

Увидев над собой не дымящуюся тарелку, а физиономию Гу Хэнчжи, Шэнь Шаоянь мгновенно скис, и его лицо вытянулось в обиженной гримасе:

— Опять ты меня обманул! Сколько можно-то? Этот трюк ещё в общежитии устарел!

Гу Хэнчжи не ответил, и Шэнь Шаоянь, уже окончательно проснувшись, заметил, что взгляд у друга какой-то странный, слишком сосредоточенный, слишком напряжённый. Глаза его загорелись любопытством, и он, приподнявшись на локтях и предвкусывая потирая ладони, спросил:

— Колись, что стряслось. Помощь нужна?

— Нужна.

Шэнь Шаоянь даже не дослушал, он уже сел на кровати и свесил ноги, готовый к бою. Глаза его горели азартом, а пальцы уже сами собой потянулись к телефону, лежавшему на тумбочке:

— Сейчас всё организую. Площадку ту же бронировать? Цветы, как в прошлый раз, да?

Гу Хэнчжи удивлённо вскинул бровь:

— Откуда ты знаешь?

Шэнь Шаоянь хмыкнул про себя: «Да ты бы сначала свой павлиний хвост убрал, а потом спрашивал. С того момента, как я глаза открыл, ты уже пятый раз в карман лезешь и вертишь там эту коробочку. Я что, слепой, по-твоему?»

Вслух он, разумеется, ничего такого не сказал, а лишь нетерпеливо замахал руками:

— Давай, рассказывай, что надумал.

Они быстро обсудили детали. Гу Хэнчжи решил сменить место: на этот раз не ресторан, а загородный сад, одно из самых известных мест для свадебных церемоний, настоящий океан цветов, где даже воздух, казалось, был пропитан сладким, пьянящим ароматом. Идеальное место для того, что он задумал.

В прошлый раз, на день рождения, всё уже было готово, но звонок из больницы перечеркнул все планы разом. Тогда они просто не успели. Теперь Шэнь Шаоянь поклялся себе, что сделает всё, чтобы на этот раз всё прошло идеально.

Времени было в обрез, и они подняли на ноги целую армию помощников. На следующее утро, едва рассвело, Гу Хэнчжи и Шэнь Шаоянь уже были на месте, проверяя каждую мелочь: ровно ли расставлены арки, не помялись ли цветы, не сбился ли свет. Убедившись, что всё готово, Шэнь Шаоянь решительно ухватил Гу Хэнчжи за локоть и потащил к стилисту.

— Ты чего? — нахмурился тот.

— А то, — Шэнь Шаоянь усмехнулся, с превосходством оглядывая друга. — Вечно меня ругаешь, что я крашусь и прихорашиваюсь, а сам-то? Вон, уже перед зеркалом крутишься.

Гу Хэнчжи осёкся и, поймав своё отражение в витрине, невольно отдернул руку от волос. «И правда... Что я делаю?»

«Вот-вот, — мысленно хмыкнул Шэнь Шаоянь, наблюдая за ним. — Кто бы ни был, а перед любимым человеком все готовы хвост распустить, как павлины. Даже наш ледяной принц».

Оставив Гу Хэнчжи в умелых руках стилиста, Шэнь Шаоянь отошёл в сторону и набрал Лу Юя. Тот, зная о планах, сегодня даже не пошёл в библиотеку, а сидел дома, ожидая сигнала. Шэнь Шаоянь прикрыл рот ладонью и зашептал, словно заговорщик:

— Снежок дома?

Лу Юй на том конце провода поморщился, отодвигая трубку от уха:

— Громче. Я ничего не слышу.

Шэнь Шаоянь, подавив раздражение, повторил уже нормальным голосом.

— Нет его, — ответил Лу Юй. — Рано утром ушёл. Сказал, в больницу, навестить бабушку Бай.

— А, ну ладно, — Шэнь Шаоянь успокоился. Не хотелось тревожить Снежка во время визита к больной. Решил, что позвонит ближе к вечеру, всё равно тот в последнее время ничем особенным не занят, подождёт.

Он и думать забыл об этом разговоре, пока Гу Хэнчжи, уже одетый и причёсанный, не спросил его напрямую:

— Ты ему позвонил?

Шэнь Шаоянь хлопнул себя по лбу:

— Чёрт! Чуть не забыл! Хорошо, что напомнил.

Он уже потянулся к телефону, но Гу Хэнчжи остановил его жестом и достал свой. Что-то кольнуло внутри, смутное, липкое предчувствие, от которого вдруг стало не по себе.

— Я сам.

Он набрал номер и прижал трубку к уху. Гудок. Второй. Третий. Тишина. Не знакомый, чистый голос, а равнодушный, механический: «Абонент временно недоступен».

Лицо его потемнело мгновенно, словно на солнце набежала туча. Шэнь Шаоянь, заметив эту перемену, испуганно замер:

— Что? Что случилось?

— Ты сказал, он утром ушёл, — голос Гу Хэнчжи звучал глухо, сдавленно, и каждое слово падало, как камень. — Куда? Повтори.

Шэнь Шаоянь, сбитый с толку его тоном, пролепетал:

— В больницу... к бабушке Бай... Он так Лу Юю сказал.

Гу Хэнчжи уже не слушал. Он набрал Бай Чутан. Та ответила почти мгновенно, и в её голосе слышалась радость, но он не дал ей сказать и слова:

— Цзи Линьсюэ у тебя?

— Линьсюэ-гэ? — растерялась она. — Нет, он уже ушёл. Минут пятнадцать назад.

— Куда?! — голос его сорвался, и Бай Чутан на том конце вздрогнула, услышав эту неприкрытую, почти звериную ярость, этот холод, от которого веяло чем-то пугающим, чужим. Она никогда не слышала, чтобы Хэнчжи-гэ говорил так.

— Я... я не знаю... — пролепетала она. — Он пришёл попрощаться с бабушкой. Сказал, что уезжает учиться за границу. На год. Чтобы мы берегли бабушку. И ушёл. У него самолёт в шесть вечера.

Гу Хэнчжи опустил телефон и уставился в пустоту. В шесть вечера. Сейчас начало третьего. В С было два аэропорта. До одного от больницы ехать час, до другого — три. Цзи Линьсюэ мог уехать только в первый.

— Машину! — рявкнул он, и Шэнь Шаоянь, не задавая лишних вопросов, бросился выполнять.

Они влетели в салон, и автомобиль, взревев мотором, сорвался с места. За окном замелькали улицы, размываясь в сплошную серую ленту, и воздух в салоне, пропитанный запахом нагретой кожи, холодного кондиционера и едва уловимой, горьковатой ноткой машинного масла, казался невыносимо душным, спёртым. Водитель, не задавая вопросов, гнал на пределе скорости, и каждый резкий поворот отзывался в животе неприятным, тошнотворным толчком, а шины визжали на мокром после ночного дождя асфальте, оставляя за собой длинные, рваные следы.

— Что случилось? Куда он уехал? — Шэнь Шаоянь, вжавшись в сиденье, переводил испуганный взгляд с дороги на каменное лицо друга.

— За границу, — процедил Гу Хэнчжи сквозь зубы, и каждое слово давалось ему с трудом,

словно он выталкивал их из себя. — Учиться. На год.

— Что?! — Шэнь Шаоянь вытаращил глаза. — Когда он успел? Почему молчал?

В этот момент его телефон завибрировал. Звонил Лу Юй.

— Я нашёл письмо, — голос Лу Юя звучал встревоженно. — На столе в гостиной. Почерк Снежка.

— Что там?! — выкрикнул Шэнь Шаоянь, чувствуя, как внутри всё холодеет.

Лу Юй помедлил, потом прочитал вслух, коротко, сухо, без единой лишней детали:

— «Я подал заявку на программу обмена. На год. Увидимся в следующем году».

Шэнь Шаоянь рухнул на спинку сиденья и прикрыл глаза. Всего одна фраза. Ни объяснений, ни прощаний, ни «спасибо». Просто констатация факта.

— Почему он нам не сказал? — прошептал он, и в голосе его слышалась такая неподдельная, детская обида, что у Лу Юя на том конце что-то сжалось в груди.

— А ты как думаешь? — хмыкнул тот, но беззлобно. — Знал бы ты заранее, каждый день бы ему ныл, плакал, просил напоследок наготовить гору еды. Задолбал бы до смерти.

Шэнь Шаоянь всхлипнул и шмыгнул носом:

— Ну... может, и так. Я бы его действительно замучил. Снежок меня слишком хорошо знает.

Машина резко затормозила у входа в аэропорт. Не дожидаясь, пока она полностью остановится, Гу Хэнчжи распахнул дверцу и бросился внутрь. Шэнь Шаоянь, спотыкаясь, побежал следом, не обращая внимания на удивлённые взгляды прохожих. В огромном, гулком зале, пропитанном запахом кофе, духов и дорожной пыли, смешивались сотни голосов, и эхо шагов тонуло в этом бесконечном, равнодушном шуме.

— Хэн-гэ, подожди! — задыхался Шэнь Шаоянь, хватаясь за бок. — Не успеваем!

Но Гу Хэнчжи не слышал. Он нёсся вперёд, лихорадочно шаря взглядом по толпе, выискивая знакомый силуэт, тонкий, прямой, с чуть вздёрнутым подбородком. Его белую рубашку. Его светлые, почти прозрачные в лучах закатного солнца волосы.

Никого. Море чужих, равнодушных лиц смыкалось вокруг: сотни, тысячи незнакомцев,

спешащих, смеющихся, прощающихся, и Цзи Линьсюэ терялся в этом бесконечном, гудящем потоке, как иголка в стоге сена. Воздух в зале был густым, спёртым, пропитанным запахом кофе, дешёвых духов и дорожной пыли, и от этой смеси, от этого неумолчного гула голосов, объявлений по громкой связи и цоканья каблучков по мраморному полу начинала кружиться голова. Где-то за спиной, согнувшись пополам и упёршись ладонями в колени, хрипло, со свистом дышал Шэнь Шаоянь: лёгкие его горели, сердце колотилось где-то в горле, и каждый вдох давался с трудом, словно он пытался втянуть в себя воздух сквозь мокрую вату.

— Хэн... гэ... Телефон... всё ещё... не отвечает... Что делать?

Гу Хэнчжи остановился. Резко, словно налетел на невидимую стену. Он достал телефон и уставился на экран. В висках стучало, в ушах звенело, и строчкиплыли перед глазами, не желая складываться в слова. Одно непрочитанное сообщение. От него.

Он открыл его. Пальцы дрожали, попадая мимо сенсора, и он перечитал короткие, сухие строчки раз, другой, третий, пока смысл не дошёл до него окончательно, обрушившись ледяной лавиной.

«Рейс перенесён. Вылет раньше. Я уже на борту. Береги себя».

— Не надо, — голос его прозвучал глухо, безжизненно. — Уже не успеем. Самолёт уже взлетел.

— Почему?! — взвился Шэнь Шаоянь, и в его голосе слышалось отчаяние, но Гу Хэнчжи не ответил, только медленно, с усилием, поднял голову и посмотрел куда-то вверх, сквозь стеклянный потолок, туда, где только что растаял серебристый след. Шэнь Шаоянь, проследив за его взглядом, замер с открытым ртом, потом медленно, словно не веря, перевёл взгляд на огромное панорамное окно, за которым на фоне пронзительно-синего неба медленно, величаво поднималась ввысь серебристая точка. Она таяла в облаках, становясь всё меньше и меньше, и вскоре от неё остался лишь едва заметный, быстро гаснущий след.

— Да что ж это такое! — в сердцах выкрикнул он, сжимая кулаки. — Издевательство какое-то! В прошлый раз больница, теперь это! Самолёты просто так не переносят! Небо против нас, что ли?!

Гу Хэнчжи молчал. Он стоял, глядя в пустоту, и правая рука его, сунутая в карман, судорожно сжимала конверт. Пальцы, побелевшие от напряжения, комкали плотную бумагу, и он чувствовал, как острые грани впиваются в ладонь, как хрустит и рвётся что-то внутри, не бумага, нет, что-то другое, чему он не мог подобрать названия. Тщательно подобранные слова, которые он так долго репетировал, превращались в бесформенный, никому не нужный комок.

Они стояли так долго, посреди шумного, чужого аэропорта, в окружении спешащих, смеющихся, прощающихся людей, и молчали. Шэнь Шаоянь боялся даже вздохнуть, не то что заговорить. Гу Хэнчжи молчал ещё тяжелее, и тишина эта давила на плечи, заставляя вжимать голову.

Наконец, когда за окном окончательно растаял последний след от самолёта, Гу Хэнчжи медленно, с усилием, поднял голову и посмотрел в небо. Шэнь Шаоянь проследил за его взглядом.

Там, в пронзительной, бездонной синеве, серебристая точка уже исчезла, растворилась без следа. Только белые, пушистые облака плыли куда-то вдаль, равнодушные и вечные.

На борту самолёта Цзи Линьсюэ прижался виском к холодному иллюминатору и медленно, тяжело выдохнул. Стекло было ледяным, и холод приятно остужал разгорячённую кожу, приводя мысли в порядок. За окном земля уходила всё дальше, съёживаясь, превращаясь в игрушечный макет, а потом и вовсе исчезла за плотной пеленой облаков. В салоне царил приглушённый полумрак, пахло кондиционированным воздухом, кофе, едва уловимым, едким запахом пластика от кресел и разогретой едой из бизнес-класса, доносящейся откуда-то спереди, и только мерный гул двигателей нарушал эту ватную, обволакивающую тишину.

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором снова всплыло лицо Гу Хэнчжи, растерянное, удивлённое, с этим его коротким, твёрдым «нет».

«Не гей».

Значит, всё было не так. Все эти взгляды, прикосновения, неловкие паузы и недосказанные слова, лишь игра его собственного воображения. Он сам всё придумал, сам поверил, сам влюбился. А Гу Хэнчжи... Гу Хэнчжи и Бай Чутан, вот кто должен быть вместе. Так было написано. Так предопределено. «Я здесь лишний». Он всегда это знал, с самого первого дня, когда понял, что попал в книгу, и теперь эта мысль не ранила, а лишь подтверждала то, что он всегда подозревал: он всего лишь второстепенный персонаж, чья роль, помочь главным героям обрести друг друга. И теперь, когда их отношения наладились, когда Су Муцин больше нет, а бабушке помогают, его миссия выполнена. Пора уходить.

«Всего год. Это не навсегда. Я вернусь. Может быть, к тому времени всё встанет на свои места. Может быть, я даже смогу смотреть на них и радоваться».

Он открыл глаза и снова уставился в иллюминатор, где за стеклом плыли бесконечные, ослепительно-белые облака, похожие на вату, на снег, на что-то нереальное, призрачное. Самолёт летел вперёд, унося его всё дальше от дома, от друзей, от человека, которого он, кажется, любил.

«Глупо. Как глупо».

Он снова закрыл глаза, и на этот раз перед мысленным взором не было ничего, только пустота и этот ровный, убаюкивающий гул, в котором тонули все мысли, все сожаления, вся боль. Веки отяжелели, налились свинцом, и он, уже не сопротивляясь, позволил себе провалиться в эту вязкую, обволакивающую темноту. Холод стекла под виском постепенно согревался, подстраиваясь под его тепло, и от этого простого, почти интимного контакта, человек и

бездушный пластик, становилось почему-то ещё горше. Словно даже самолёт, уносящий его прочь, был к нему добрее, чем он сам к себе.

<http://bllate.org/book/16531/1612662>